

Публицисты много писали о Столыпине еще при его жизни. Но особенно много публикаций, статей было подготовлено сразу после трагической гибели председателя Совета министров в 1911 году. На это драматическое событие откликнулись представители большинства идейно-политических течений, каждое из которых видело «своего» Столыпина, давало концентрированные оценки его личности и деятельности. Позиции были разные, но все были вынуждены так или иначе признать, что Столыпин был крупной политической фигурой.

Уже в сентябре 1911 г. прошли траурные собрания, на которых государственные и общественные деятели делились воспоминаниями о встречах с покойным. 14 сентября состоялось заседание Центрального комитета Союза 17 октября, посвященное его памяти. Выступил Гучков с воспоминаниями о совместной работе с покойным главой правительства. По словам лидера октябристов, Столыпин был подлинным конституционалистом, многое сделал для упрочения основ «обновленного» строя: «Свое сочувствие к представительному образу правления Петр Аркадьевич не скрывал, и это сделало имя его ненавистным в рядах реакции, все еще не желающей мириться с новыми законодательными учреждениями». На соединенном заседании Центрального комитета октябристов и Общества содействия хуторскому и отрубному хозяйству 11 декабря 1911 г. слово было предоставлено А.В. Еропкину, давшему оценку указу 9 ноября 1906 г. и рассказавшему о своих встречах с премьер-министром¹⁶. В 1911 г. В.А. Скрипицыным был опубликован мемориальный сборник «Богатырь мысли, слова и дела», посвященный Столыпину. В него вошли весьма информативные воспоминания С.Н. Сыромятникова. Аналогичный сборник под названием «Как умирают герои» был опубликован в 1912 году¹⁷. 5 сентября 1913 г. в помещении ЦК Союза 17 октября прошло многолюдное собрание, посвященное годовщине смерти Столыпина. С воспоминаниями выступили лидеры октябристов К.Э. Линдеман, Н.П. Шубинский, Д.А. Леонов и брат покойного А.А. Столыпин. Особенно интересным было выступление последнего, который рассказал о детстве и юности бывшего председателя Совета министров¹⁸. Подробное изложение беседы П.А. Столыпина с журналистом П.А. Тверским, имевшей место в феврале 1907 г., было опубликовано в 1912 г. в журнале «Вестник Европы»¹⁹.

Спор о Столыпине продолжился и в эмиграции. Всякий раз он перетекал в дискуссию о России и революции с неизбежным подтекстом об утраченном шансе на мирное и динамичное развитие страны. При этом авторы, рассуждавшие о покойном премьер-министре, преимущественно оставались на прежних, дореволюционных позициях, лишь в малой степени корректируя их. Правые либералы даже в большей степени, чем прежде, до 1917 г., не жалели добрых слов в адрес председателя Совета министров. А.В. Тыркова в воспоминаниях чрезвычайно высоко оценивала Столыпина: «В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам. Столыпин был прирожденный оратор. Его речи волновали. В них была твердость. В них звучало стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил уже не чиновник, а государственный человек. Крупность Столыпина раздражала оппозицию»²⁰. Маклаков отмечал государственную мудрость премьера, который понимал «необходимость ремонта, одновременно понимал, что его должно и можно сделать с большой осторожностью, по частям, заменяя одну балку другой»²¹. По мнению Струве, это был «самый крупный государственный человек послереволюционной конституционной России», который один из немногих понял истинный смысл событий 1905—1907 годов²². Левые либералы и в эмиграции «крупности» Столыпина не замечали. Милюков продолжал обвинять покойного премьера в неумеренном властолюбии: «Власть он любил, к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать... Своих союзников он склонен был трактовать как очередные орудия своего продвижения к власти и менять их по мере надобности»²³. Прежние националисты, как и раньше, продолжали водружать образ Столыпина на свое знамя, зачастую приписывая ему собственные взгляды. Иногда они даже определяли покойного премьер-министра как первого русского фашиста. Например, В.В. Шульгин утверждал: «Основателем русского фашизма я считаю Столыпина... Правда, покойный премьер... сам не подозревал, что он фашист. Но тем не менее он был предтечей Муссолини»²⁴. Славословие поклонников лило воду на мельницу критиков Столыпина — «махрового реакционера» и «националиста». Подобные оценки превалировали также практически в любой, даже весьма солидной работе советской историографии.

Действительно, для второго историографического этапа изучения столыпинского наследия характерны оценки личности и деятельности премьер-министра, подогнанные под «ленинскую гре-